

В. П. ВОЛГИН

ЖАН ЖАК ПИЙО

(Из истории утопического коммунизма)

Среди пропагандистов идей утопического коммунизма во Франции 40-х годов XIX в. заметное место занимал Жан Жак Пийо (родился в 1808 г., год смерти неизвестен). Пийо готовился к духовному званию, но в 30-х годах порвал с католицизмом. Его революционная и литературная деятельность началась в 1838—1839 гг. В 1839 г. Пийо издавал журнал «La Tribune du Peuple». В том же году он был привлечен к суду за участие в майском заговоре «Общества времен года». В 1840 г. мы видим Пийо среди организаторов и участников коммунистического банкета в Бельвиле. 1840—1841 гг. были годами наиболее интенсивной пропагандистской деятельности Пийо. В 1840 г. он издал обратившую на себя внимание книгу «Ni châteaux, ni chaumières». За ней последовала «Histoire des Egaux». Приговоренный к шести месяцам тюремного заключения по делу Кениссе, покушавшегося на Луи Филиппа, Пийо в тюрьме написал брошюру «La communauté n'est plus une utopie» (1841). В революции 1848 г. Пийо большой роли не играл, хотя и председательствовал в одном из революционных клубов. Проведя при Второй империи несколько лет в эмиграции, Пийо по возвращении в Париж принимал участие в революционном движении, был членом Парижской коммуны 1871 г. В 1872 г. за участие в Коммуне был приговорен к пожизненной каторге.

1

В своем журнале 1839 года Пийо выступает как решительный противник деспотизма и освящающей его религии, как ученик и последователь великих просветителей XVIII в. Он глубоко чтит имена Вольтера, Руссо и Дидро¹. Значительную часть журнала Пийо отводит выдержкам из работ просветителей младшего поколения: Вольнея («Руины») и Дюшюи («Происхождение культа»). Пийо, как и его учителя, считает невежество и деспотизм основными причинами царящего в обществе зла. Наша цель, говорит он, борьба с деспотизмом, как с самой пагубной язвой человеческого общества, борьба с не отделимыми от деспотизма невежеством и фанатизмом². Деспотизм поощряет разделение общества на касты и неравенство состояний, господствующий в обществе дух индивидуализма. Пийо полагает, что, выступая против деспотизма и фанатизма, он защищает интересы народа, иными словами — интересы бедных. Моя руководящая идея, говорит он, любовь к народу и к истине. Враги народа — те, кто богат и счастлив. Они грабят народ, отнимают у него плоды его труда. Они ставят всяческие препятствия просвещению народа, видя в нем опасность для существующего строя. Народу надо узнать, что его ожидает, надо понять, где его истинные друзья. Пийо призывает народ прислушаться к его

¹ «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. 174.

² Ibid., p. VI.

голосу, потому что он сам беден. Пийо утверждает, что мог бы свискать себе благосклонность богатых, которые охотно оказали бы ее за счет бедных. Но он предпочел пойти к бедным, чтобы помочь им постичь всю полноту их прав и сбросить тяготеющее над ними иго эксплуатации и угнетения³.

Все религиозные сказки, утверждает Пийо, опираясь на Дюкюп.— злонамеренная ложь. Они служат основанием политической и социальной тирании. Все культы и церемонии при всем их разнообразии имеют одну цель — исказить и затемнить принципы вечной истины⁴. Чтобы открыть эти принципы человек должен свободно пользоваться своим разумом — орудием, которое дано ему для этой цели божеством⁵⁻⁶.

Христианская религия, по мнению Пийо, тесно связана в своем генезисе с религиями, ей предшествовавшими. Языческие культы находят свое дальнейшее развитие в культе христианском. Во времена античности человечество достигло известного уровня цивилизации. Восторжествовавшее в форме католицизма христианство погрузило Европу во мрак невежества и варварства, длившихся 14 столетий. Это были века феодализма, века господства священников и знати. Духовенство по своему существу принадлежит к эксплуататорам. Процессу освобождения человеческого разума содействовала, по мнению Пийо, Реформация. Этот процесс нашел свое завершение в XVIII в. Философы XVIII в. были подлинными борцами против невежества и деспотизма; «они много сделали для искоренения привычного уважения народа к традициям, для подготовки грядущей победы революции»⁷.

Революция 1789 г. была, утверждает Пийо, совершенно необходима: зло надо было вырвать с корнем. Доверять тиранам и надеяться на их обещания — преступно; их необходимо устранять от власти решительно и полностью. Это подтверждается всем поведением Людовика XVI во время революции. Он неоднократно пытался вновь захватить в свои руки власть, несмотря на свои уверения в любви к свободе Франции. Он организовал вероломный заговор против своего отечества, пытаясь предать его эмигрантам и иностранцам. Этого одного преступления было достаточно, говорит Пийо, чтобы опустить меч правосудия на голову предателя⁸. Многие полагают, что революция завершилась. Но народ по-прежнему страдает от голода, он по-прежнему угнетен. Миллионы сердец требуют хлеба и взывают к мести. Революция продолжается, и она неизбежно победит⁹.

Резко осуждая отношения, господствующие в современном ему обществе, Пийо не дает еще, однако, в своем журнале четкой характеристики того общественного порядка, который должен, по его мнению, прийти на смену существующему. Не подлежит сомнению, что все симпатии Пийо на стороне республики. Он превозносит Вольнея как последовательного и стойкого республиканца. Он выражает свое возмущение реакционной пропагандой, изображающей республиканцев злодеями и кровопийцами, искажающей подлинный облик борцов революции¹⁰. Иногда Пийо прямо объявляет себя республиканцем.

Журнал Пийо пропитан настроением глубокой вражды к существующему социальному и политическому порядку. Здесь многое предвещает в авторе будущего борца за коммунизм.

³ «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. II—III.

⁴ «La Tribune du Peuple», 1839, № 2, p. 174, 178—179.

^{5,6} «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. VI, 27.

⁷ Ibid., p. 27; «La Tribune du Peuple», 1839, № 2, p. 173—174.

⁸ «La Tribune du Peuple», 1839, № 2, p. 176—177.

⁹ Ibid., p. 175.

¹⁰ «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. 26.

Клеймя строй неравенства и эксплуатации, Пийо противопоставляет ему строй, основанный на равенстве¹¹. Трудящийся утверждает он, ссылаясь при этом на Вольнея, имеет больше права на владение, чем праздный, который только потребляет. Это право трудящегося — естественное право¹². «Мы хотим,— заявляет Пийо в другом месте,— чтобы плоды труда принадлежали трудящемуся»¹³. Но как должно быть организовано общество, чтобы обеспечить права трудящихся, Пийо не указывал. По-видимому, он еще не вполне освободился от мелкобуржуазных представлений о возможности устранения общественных бед путем увеличения числа владеющих¹⁴. Коммунистические воззрения Пийо по-видимому в это время еще не вполне оформились.

2

В июле 1840 г. на коммунистическом банкете в Бельвиле Пийо выступает уже как решительный защитник принципа общности. На этом банкете Пийо явно принадлежала ведущая роль. Он открывает банкет, и он же произносит на нем заключительное слово. Выступления Пийо проникнуты горячей уверенностью в историческом значении первого публичного и массового собрания сторонников принципа общности. Участники этого собрания совершили, говорит он, большое дело, последствия которого неизмеримы. Теперь уже никто не посмеет объявлять мысль об общности каким-то порождением большого мозга. Вскоре вся Франция узнает, что на большом собрании, в котором приняли участие 1200 человек, принцип общности был открыто провозглашен и единодушно одобрен. Наше собрание, продолжает Пийо, показало, что общность, как средство излечения всех зол человеческого общества, не только желательна, но и осуществима, притом не через тысячи лет, а немедленно. Это — величайший результат собрания. Осуществление общности обеспечит человечеству счастье, о котором оно и не смело мечтать, положит конец страданию и отчаянию, которые испытывало человечество в течение веков. И Пийо призывает всех участников собрания широко пропагандировать эту истину. Ее пропаганда приведет к быстрому росту рядов сторонников коммунизма и приблизит день, когда то, что считалось вчера прекрасной утопией, станет радостной реальностью.

Во вступительных строках посвященной банкету брошюры, несомненно составленной Пийо, он с гордой уверенностью заявляет, что на бельвилском собрании эгалитарная школа сумела высоко поднять славное знамя социальной общности. В своем тосте Пийо призывает нанести решительный удар по фанатизму, сокрушить навсегда тиранию, провозгласить перед лицом всего мира вечные принципы абсолютного равенства, заложить основание истинного человеческого общества.

Теоретическое обоснование защищаемой им системы общности Пийо дает в своих пропагандистских брошюрах 1840—1841 гг.

Исходным моментом своего социального учения Пийо считает «науку» — познание существенных свойств и законов материи. Только наука, уничтожающая все мифы и не признающая других санкций для человеческого закона, кроме «существенных свойств материи», может открыть общий принцип, определяющий *истинные* условия жизни человечества¹⁵. Эти рассуждения Пийо с полной очевидностью выявляют уже отмеченную нами выше связь его построений с традициями философии XVIII в. В общем он примыкает к материалистическому крылу этой философии,

¹¹ «La Tribune du Peuple», 1839, № 2, p. 195.

¹² «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. 13.

¹³ Ibid., p. IV.

¹⁴ Ibid., p. 13.

¹⁵ J. J. Pillot. Histoire des Egaux (далее — «Histoire des Egaux»). Paris, 1840, p. 20, 29.

хотя в «La Tribune du Peuple» мы и находим еще некоторые черты деистических представлений¹⁶.

Еще более явно сказывается влияние мыслителей «века просвещения» в социальной философии Пийо. Как и большинство просветителей, Пийо считает возможным вывести из общих закономерностей бытия конститутивные принципы «нормального» человеческого общества. Закон природы, утверждает он, — «неизменная основа всех законов». Голос природы всегда говорит в сердце человека¹⁷. Подобно мыслителям XVIII в. Пийо именует вытекающие из природы нормы человеческого общежития «естественным правом». Рационалистическому методу построения общественной «науки» у Пийо соответствуют рационалистические представления о возникновении человеческого общества и о законах его развития. Человек, рассуждает Пийо, не может жить изолированно. Изолированный человек не в состоянии ни обеспечить удовлетворение своих потребностей, ни защитить себя от враждебных сил окружающей природы. Своему соприкосновению с другими людьми человек обязан и сохранением своего существования, и теми способностями, которые отличают его от животного. Человек рожден для общества, но лишь *осознав* это свое общественное предназначение, он осуществляет его путем общественного договора.

Пийо, конечно, понимает, что общественный договор, заключение которого он склонен считать исторической реальностью, отнюдь не обеспечил благосостояния составляющих общество людей. Он знает, что человеческому роду суждено было в течение тысячелетий переживать тягчайшие и все возрастающие страдания. Основная причина несчастий человечества — глупость людей, их невежество. В течение длительного времени все делалось для того, чтобы заглушить голос природы в сердце человека. Человека привели к тому, что он отвернулся от истинных принципов природы и начал принимать за них грубые подделки. Все религии имели своей целью скрывать от народа истину.

Но не следует приходить в отчаяние. Ложный путь, по которому шла история, не является, по мнению Пийо, основанием полагать, что расстояние, отделяющее нас от счастья, непреодолимо. Прогресс человеческого разума, освобождение человеческого ума от невежества и предрассудков может положить конец несчастьям общества. Пийо решительно отвергает положение Руссо о вреде для человечества развития наук и искусств. Наоборот, утверждает он, прогресс знания приведет человека к счастью, к полноте жизни. И Пийо твердо убежден, что этот прогресс действительно совершается. Более просвещенный разум заставляет человека считать ложью и глупостью все то, что он ранее без всякого доказательства почитал священной истиной. Старая мораль, насажденная лицемерием вместо знания, теряет свое влияние. Царство глупости приходит к концу. Господство науки начинается. С уничтожением всех религий одна истина остается и восстанавливается во всем своем блеске. Победа истины и освобождение человечества неизбежны¹⁸.

3

«Глупость народа», его невежество, его религиозные предрассудки, пишет Пийо, таковы условия, сделавшие возможным существование порядка, основанного на эксплуатации народа и обеспечивающего ее. Религиозные мифы служили пугалом, помогавшим эксплуататорам грабить народ¹⁹. Народ — производитель и хозяин всех богатств — везде умирает

¹⁶ «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. VI, 27. Разум, говорит он, дан миру божеством.

¹⁷ J. J. Pillot. Ni châteaux, ni chaumières (далее — «Ni châteaux, ni chaumières»). Paris, 1840, p. 32, 56.

¹⁸ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 31—33, 38.

¹⁹ Ibid., p. 32.

от голода и холода, везде он раб. Не удивительно, что с политической точки зрения слово «народ» равнозначно слову «беднота». Народом называют тех, кто не владеет ничем или владеет немногим. Существование народа ничем не обеспечено. Человек из народа, потеряв работу или лишившись трудоспособности, обречен на нищету и бесчестье²⁰.

Говорят, будто бы христианство отменило рабство, но на самом деле христиане обращались с народом еще хуже, чем язычники. В течение долгих веков народ эксплуатировали знатные, их поддерживало и само принимало участие в эксплуатации масс духовенство. Эти два вида «каст» были тесно связаны между собой общими интересами и оказывали друг другу поддержку. Католицизм санкционировал власть человека над человеком; отрицая возможность равенства на земле, он проповедовал идею его торжества в мире, чисто воображаемом²¹. Если народ ставил под сомнение авторитет каст, то священники посылали на него проклятия неба. Это было самое действенное и самое ужасное орудие, каким можно было угрожать «мятежникам». А знатные, вооруженные мечом, пускали этот меч в ход по первому сигналу священников²². Всюду, куда простиралась власть католицизма, его кровавая воля, символом которой был крест, царило молчание смерти²³. И все-таки полностью угасить требования разума кастам не удалось. Доказательством этого служит оппозиционная пропаганда сект. «Еретики» думали не столько о мифах, сколько о реабилитации человечества, угнетенного противоестественным режимом. Люди искали истину потому, что они чувствовали себя во власти лжи. Бессмертные гении, мечтавшие о благе человечества, хорошо понимали, что их мечта не может реализоваться, пока касты не будут уничтожены²⁴.

Народ эксплуатируется не только кастами с их привилегиями, но и государственной властью (королевской властью, как чаще всего говорит Пийо). Монархия — надежное средство подавления равенства, она изобретена для устрашения народа, она — призрак, скрываясь за которым эксплуататоры человечества спокойно пожирают плоды народного труда²⁵. Все прихвостни королевской власти любят, говорит Пийо, сравнивать короля с пастырем, а народ — со стадом. Это сравнение не лишено смысла. У пастуха всегда есть большая палка, чтобы защищать стадо от волков; но он пользуется ею также, чтобы наводить порядок в своем стаде. У короля вместо палки — скипетр. Говорят, что скипетр дан провидением, чтобы защищать подданных от нападения врагов. Но если в народе начнется волнение, вызванное беспредельной эксплуатацией или тем, что его гонят на бойню во имя личных интересов монарха, вы увидите, восклицает Пийо, для кого и для чего служит этот дар провидения²⁶.

В истории монархической власти Пийо различает два периода. В первый период королевская власть, происходящая от захвата и передающаяся по наследству, почитается основанной на божественном праве. Она опирается на позорный пакт, заключенный с нею католицизмом. Для монарха божьей милостью нация — его собственность. Народы этому верили: прочность этой догмы поддерживалась всей совокупностью идейной и материальной жизни. Король представлялся народу существом, принадлежащим к особой породе. Его абсолютная власть была ограничена только некоторыми обычаями. Прав короля никто не решался оспаривать. От него исходили привилегии, в силу чего эти привилегии также признавались имеющими санкцию божественного права. Второй период в истории монархии начинается с того, что она теряет ореол божественного права. Тем не

²⁰ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 22—23.

²¹ J. J. Pilloit. La communauté n'est plus une utopie (далее — «La communauté»). Paris, 1841, p. 13.

²² «Ni châteaux, ni chaumières», p. 16—17.

²³ «La communauté», p. 17.

²⁴ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 16; «La communauté», p. 15, 17.

²⁵ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 13—14.

²⁶ Ibid., p. 5—7.

менее ее до-прежнему считая необходимой для поддержания порядка. Поэтому она продолжает свое существование. Но поскольку ее старые права утратили свое значение, вместо них создаются новые права — соответственные и условные²⁷.

Переход на эту вторую стадию развития власти Пийо изображает в виде революционного переворота. Этот переворот производится народом, и целью его является ниспровержение тиранов и освобождение граждан от рабства. Но во главе переворота становятся сателлиты монарха, которые всегда питались за счет пота и крови трудящихся. Они хотят сохранить все, что имели при короле, пользоваться всеми привилегиями, которые им давала только что уничтоженная власть. Им удается одурачить народ и обеспечить себе не только старые привилегии, но и некоторые новые. Но они понимают непрочность создавшегося положения и для его охраны восстанавливают единовластие. Так возникает в результате революции новая монархическая власть, лишенная религиозной санкции. Старая монархия создавала привилегии каст; при условной монархии сама королевская власть — создание и орудие привилегий²⁸.

После этого переворота на место каст, обладавших ранее богатствами, властью и почестями и обосновывавших свои притязания «божественным правом», приходят котерии, реализующие свои притязания при помощи коварства и интриг²⁹. Их девиз: «все для нас». При режиме котерий, как и при режиме каст, в обществе сохраняется вопиющее неравенство. У привилегированных развиваются искусственные потребности, которые они не в состоянии удовлетворить даже при существующем порядке. А между тем во имя их удовлетворения все человечество оказывается вынужденным прозябать в нищете. Большинство ходит в рубище и живет в хижинах для того, чтобы некоторые из членов общества могли носить ткани, украшенные золотом и драгоценными камнями, и обитать в громадных дворцах³⁰. Привилегированные пишут во главе всех законов слово «равенство», обманывая народ при помощи пустых форм. Но обманщики понимают, насколько их власть противоречит справедливости и разуму, и они не брезгают никакими средствами для того, чтобы удержать ее в своих руках³¹. Все нации переживали множество революций. Иногда их вожди действительно стремились к благу человечества. Но и в этих случаях, придя к власти и почувствовав себя удовлетворенными, они забывали о нуждах народа. Положение масс оставалось абсолютно тем же, если не становилось хуже. В стране, пережившей революцию, продолжали существовать господа и рабы, дворцы и хижины. Привилегии лишь переходили в другие руки³². Естественно, что у народа возникало представление о бесполезности революций³³.

4

Изложенные нами рассуждения Пийо о революциях носят весьма абстрактный характер. Они, несомненно, представляют известный теоретический интерес. Но для революционной и коммунистической пропаганды Пийо гораздо большее значение имели опыт и результаты конкретной революции — французской революции конца XVIII в. Именно этот опыт позволяет ему видеть во Франции основной очаг, из которого исходит «возрождающий огонь», распространяющий жизнь во всех частях земного шара³⁴.

²⁷ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 8—10, 40.

²⁸ Ibid., p. 11—14.

²⁹ Ibid., p. 14—15, 17.

³⁰ Ibid., p. 53—54.

³¹ Ibid., p. 15, 19—20.

³² Ibid., p. 39—40.

³³ Ibid., p. 41—42.

³⁴ Ibid., p. 35.

Революцию Пийо считал естественным следствием зол старого порядка, пренебрегавшего правами народа и принимавшего все меры к тому, чтобы заставить народ о них забыть. Чтобы освободить народ от ига старого деспотизма, необходимо было доказать народу ложность религии и разъяснить его права. Мы уже знаем, какую роль сыграла в разрешении этой задачи философия XVIII в. Философы, по мнению Пийо, установили ту истину, что все люди равны по происхождению и по праву природы. Открытие этой истины должно было бы привести к окончательному решению социального вопроса. Но философия не довела своего дела до конца, не начертала плана социальной организации, соответствующей ее принципам. Народ не смог поэтому использовать в полной мере осознанные и завоеванные им права. Этим, как и в других революциях, воспользовались испорченные люди, чтобы занять место старых господ³⁵.

Высшим пунктом в развитии французской революции XVIII в. Пийо считал 93 год. Бессмертная революция 93 года, говорит он, ни в чем не похожа на все ей предшествовавшие. Дело не в непосредственных результатах для народа, так как его положение после революции стало хуже, чем когда бы то ни было. Заслуга деятелей 93 года в том, что они открыли перед народом новый путь — путь к счастью, — с которого ничто не может его совратить³⁶. Их миссия состояла в том, чтобы разрушить старое социальное здание, его «идеи, учреждения, предрассудки, безобразия». Некоторые из людей 93 года понимали, что этого недостаточно, что человечество не может жить среди развалин. К числу тех, кто пытался в 93 году работать над построением нового мира, Пийо относит эбертистов. Но усилия эбертистов были несвоевременны. Они первыми возвестили необходимость построить преграду возвращению старого общества. Этим они заслужили вечную славу и за это заплатили своими головами³⁷.

Французская буржуазная революция XVIII в. не принесла окончательной победы делу освобождения народа, и в этом смысле ее результаты соответствовали той характеристике, которую Пийо давал революциям вообще. Во Франции, как и в других странах, эксплуататоры стремились во что бы то ни стало сохранить в свою пользу привилегии, отнятые у старых каст. Для достижения этой цели они использовали ложь, запугивание, лицемерие, насилие. Таким позорным способом им удалось восстановить старые прерогативы, лишь слегка изменив их формы и названия³⁸.

После гибели эбертистов еще одну попытку восстать против возвращения к строю привилегий сделали Бабёф и его товарищи. В бабувистах Пийо, несомненно, видит своих прямых предшественников и учителей. Бабёф указал на опасность попыток возврата к прошлому. Он подчеркивал, что революция была сделана во имя человеческого достоинства и вечных прав человека, что старый режим был их преступным нарушением. Революция, утверждал Бабёф, не может ограничиться сменой привилегированных: привилегия преступна всегда, новые привилегированные будут неизбежно такими же несправедливыми, как прежние. Смелые апостолы равенства, бабувисты, были убеждены, что их жертва, каковы бы ни были ее непосредственные результаты, не будет бесполезной для человечества. Они изложили свои идеи в составленном ими «Манифесте равных», который произвел громадное впечатление. Господствующему в обществе соперничеству они противопоставили в «Манифесте» идею сотрудничества, общности труда и наслаждений; принципам произвола и принуждения — принципы убеждения и гармонии. Они призывали установить порядок, обеспечивающий достоинство и довольство всех, вместо порядка, охраняющего гордость и излишества немногих и покушаемого ценой унижения и лишений большинства. Бабувисты доказывали, что предлагаемая ими

³⁵ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 18, 46.

³⁶ Ibid., p. 42.

³⁷ «La communauté», p. 22—23.

³⁸ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 47.

система не только логически вытекает из принципов 93 года, но и намекает единственный способ осуществления действительной ассоциации, соответствующей природе человека и обеспечивающей полное удовлетворение его истинных потребностей³⁹.

Пийо убежден, что голос истины, звучавший в пропаганде бабувистов, нашел бы очень скоро отклик в народных массах, если бы не был вскоре подавлен привилегированными. Новые привилегированные больше боялись коммунистов, чем тех, кто носился с преступной мыслью вернуть родину к старому порядку, хотя бы с помощью иностранцев. Для них революция была лишь средством устранения старых привилегированных и замены их людьми более «просвещенными». Вождей коммунизма убили. Им отрубили головы... Но разве убить, спрашивает Пийо, значит опровергнуть и убедить? Их мысль не умерла. Верный Буонарроти сохранил ее чистой и прекрасной в течение 40 лет заключения и преследований⁴⁰.

После побед над Горой, над эбертистами и коммунистами, говорит Пийо, место старой знати окончательно заняла буржуазия. Она правила Францией в течение всего времени, прошедшего со дня переворота 9 термидора. За 45 лет она создала шесть правительств, последовательно сменявших друг друга. Все эти правительства прилагали свои усилия к тому, чтобы изгладить глубокие следы 93 года. Но нация не переставала проявлять презрение к старому режиму и ко всему, что могло к нему приблизить. Об это и разбивались все правительства⁴¹.

При всех изменениях правительственных систем власть оставалась в руках привилегированных. За власть боролись различные котерии, к числу которых необходимо отнести, по мнению Пийо, и либералов эпохи Реставрации и республиканцев 30-х годов. Все они были согласны в том, что общественное достояние должно оставаться в руках небольшого числа индивидов, что только им должны принадлежать исключительно все блага жизни, все почести, все уважение. А для этого было необходимо, чтобы массы всегда оставались в положении пролетариата, живущего в непрерывном труде, и чтобы их заработка едва хватало для удовлетворения самых насущных потребностей⁴². Современный пролетарий, говорит Пийо, работает по 18 часов в сутки и к тому же не уверен в том, захочет ли человек, которому он отдает свою жизнь за малую толику золота, повторить завтра эту унижительную сделку. Как часто пролетарий оказывается без заработка из-за того, что новое изобретение делает его труд ненужным, или из-за того, что он слишком стар, или из-за того, что предпринимателю не нравятся его мнения⁴³.

Иногда Пийо наряду с излюбленными им терминами «касты» и «котерии» употребляет также для характеристики отдельных общественных групп термин «классы». Иногда, как мы видели, он говорит о буржуазии и о пролетариате. Но его понимание классового строения общества весьма неотчетливо. Он называет классом пролетариат; классами же он называет и остатки старых сословий, или, по его обычной терминологии каст, — попов и знатных; наконец, классом он называет «адвокатов» (?); с другой стороны, он никогда не говорит о классе буржуазии. Во всяком случае, что бы ни разуметь под классами, в современном обществе нет, по мнению Пийо, ни одного класса людей, которым их положение и их принципы обеспечивали бы уверенность в настоящем и спокойное ожидание будущего. Все больны жестокой болезнью сомнения. Современное общество — агломерация существ, вечно подозревающих друг друга и готовых по малейшему поводу растерзать друг друга. Все в обществе непрочное, все мо-

³⁹ «La communauté», p. 23—24.

⁴⁰ Ibid., p. 25—27.

⁴¹ Ibid., p. 29—30.

⁴² «Ni châteaux, ni chaumières», p. 43—45.

⁴³ «La communauté», p. 21—22.

жет быть завтра отвергнуто: вера, власть, право, богатство, мастерство, преступления и добродетели⁴⁴.

5

Общество не может оставаться долго в таком состоянии, и оно не может возвратиться к прошлому — к старому порядку каст. Ему открыт только один путь — путь к равенству. Необходимо полностью изменить лицо земли, дать обитателям мира совершенно новую жизнь, подобной которой нельзя найти примеров в прошлом. Для этого надо порвать с прошлым, отвергнуть то, что уважали более всего, искать то, что до настоящего времени было в небрежении. Задача гигантская, восклицает Пийо, но ее решение необходимо для сохранения рода человеческого⁴⁵.

В достижении этих высоких целей Пийо твердо убежден, ибо он уверен в неизбежном торжестве истины. Когда наука, освобожденная от всего, что ее стесняет и гасит, провозгласит во всеулышание истины, вытекающие из существа вещей, — единственным возможным для человечества способом существования будет абсолютное равенство⁴⁶. Нельзя сомневаться в возможности установления на земле царства равенства, т. е. царства справедливости и мира, царства добродетели и благосостояния⁴⁷.

Абсолютное равенство — призыв подлинной науки. Но абсолютное равенство может быть достигнуто только при господстве принципа общности⁴⁸. Общность — единственный способ осуществления равенства. Все наши надежды, говорит Пийо, мы возлагаем на общность. Вне этой системы нет ни равенства, ни свободы, ни братства — и потому нет счастья для рода человеческого⁴⁹. Все иные попытки достигнуть равенства Пийо считает несостоятельными. Желая, очевидно, отмежеваться от сторонников упрощенного уравниательства, Пийо усиленно подчеркивает, что общность — отнюдь не прокрустово ложе, сводящее всех людей к единой мерке⁵⁰.

Равенство было всегда, с самой далекой древности, целью стремлений человечества. Но эти стремления были несознательными. Потребность равенства была в состоянии чувства, а не в состоянии знания. В этом была причина ошибок и неудач человечества. В сущности уже основатели древних мистерий, говорит Пийо, видели истину, но считали ее недоступной для массы. Дальше них пошел Ликург, который попытался практически приблизиться к равенству. Но ему была чужда идея солидарности, и он построил свой социальный закон не на основах общности, а на основах индивидуализма, и поэтому не мог создать абсолютного равенства. Провозглашая равенство, Ликург сохранил рабство⁵¹. Столь же отрицательно относятся Пийо и к последующим уравниательным попыткам. Нечего бросать нам обвинения в «аграрном законе» или в «робеспьеризме», говорит он, Гракхов и монтаньяров мы считаем славными мучениками за благо человечества. Мы стремимся подражать им в добродетели и храбрости. Но их систему социальной организации мы не приемлем⁵².

Пийо не считает возможным заранее предсказать в деталях формы общественной организации, основанной на общности. Он намечает лишь ее основные принципы, вытекающие, по его мнению, из вечных и неизменных законов общественного бытия. Эти принципы, как показывает опыт, легко осуществимы. Человечество, утверждает Пийо, состоит из существ, равных по своей природе. В обществе не должно быть ни первых, ни по-

⁴⁴ «La communauté», p. 20, 22.

⁴⁵ «Histoire des Egaux», p. 9—10.

⁴⁶ Ibid., p. 29.

⁴⁷ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 36.

⁴⁸ «Histoire des Egaux», p. 29.

⁴⁹ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 59—60.

⁵⁰ Ibid., p. 59.

⁵¹ «La communauté», p. 11—12.

⁵² «Ni châteaux, ni chaumières», p. 29.

следних, ни великих, ни малых, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни господ, ни рабов. Первые же мероприятия общества равных должны оградить его от возможности возврата к какой бы то ни было форме неравенства⁵³. Известные различия в физических и духовных качествах людей Пийо признает, но эти качества должны вести в обществе равных лишь к различиям в выполняемых индивидами функциях. Каждый член общества должен использовать все свои способности для блага всех. Право жить имеет лишь тот, кто трудится. При строе общности личный интерес и общественный интерес совпадают. Отдавая обществу свой труд, индивид тем самым получает право на удовлетворение обществом его истинных потребностей. Общество равных ставит себе целью дать каждому из своих членов *возможно большую сумму благополучия*. Однако, стремясь обеспечить своих членов необходимым, оно отказывается от излишнего⁵⁴.

«Когда воссияет день равенства», говорит Пийо, в обществе не будет несчастных, страдающих от голода и холода; в нем не будет ни бедных, ни богатых. Все будет принадлежать всем. Но ни у кого не будет индивидуального права «пользоваться и злоупотреблять». Все будет одинаково обеспечено жилищем и одеждой, все будет одинаково питаться за общим столом⁵⁵. Все дети будут получать одинаковое общественное воспитание. Земля не будет принадлежать никому, а ее плоды будут принадлежать всем.

Единственным законным сувереном Пийо признает общественное мнение, или всеобщий разум, представляющий собой сумму индивидуальных разумов. Руководителем общественного мнения при строе равенства должна быть наука. Равенство не допускает ни мистических, ни религиозных догм⁵⁶. Наука уничтожит все мифы, она не признает другой санкции для человеческого закона, кроме существенных свойств материи⁵⁷.

Различные функции, в своей совокупности представляющие то, что обычно именуется управлением, в республике «равных», или коммуне, будут рассматриваться как обязанности членов общества, распределяемые между ними, подобно другим обязанностям. Отправление этих функций не может служить основанием или поводом для каких-либо преимуществ в удовлетворении потребностей. Общество равных не знает никаких других наград, кроме общественного уважения⁵⁸. По-видимому, Пийо полагает, что необходимость государственной организации постепенно исчезнет в обществе равных. В соответствии со своими идеалистическими представлениями о развитии общества он, как и просветители XVIII в., связывает возможность исчезновения государства с ростом просвещения. Может ли, спрашивает он, общество достигнуть такой степени просвещения, чтобы никакое правительство не имело оснований к тому, чтобы заставлять его подчиняться своей воле? Как бы для того, чтобы не оставить никакого сомнения в смысле этого вопроса, Пийо рядом с ним ставит другой: организована ли анархия, т. е. научная и рациональная гармония, — не есть ли это нормальное состояние, в котором должно жить общество?⁵⁹

Уравнительный закон, утверждает Пийо, пригоден для всех народов вселенной, независимо от внешних условий их жизни⁶⁰. Но Пийо понимает, что прогресс происходит в различных странах неравномерно. Эта неравномерность требует сохранения границ между отдельными государствами. Пийо осуждает национальный эгоизм, но если от национального эгоизма откажется только одно государство, рассуждает он, то оно неизбежно будет растерзано и уничтожено другими государствами. Если

⁵³ «Histoire des Egaux», p. 21—22.

⁵⁴ «Histoire des Egaux», p. 30; «Ni châteaux, ni chaumières», p. 55—57.

⁵⁵ «Histoire des Egaux», p. 21; «Ni châteaux, ni chaumières», p. 20, 24, 58.

⁵⁶ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 57—58.

⁵⁷ Ibid., p. 20.

⁵⁸ Ibid., p. 57—58.

⁵⁹ «La communauté», p. 32.

⁶⁰ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 54.

порядок общности утвердится только в одной стране, а в окружающих странах сохранится строй, основанный на эксплуатации,— это положение создаст, по его мнению, для передового общества целый ряд трудностей. Водружая знамя равенства, передовое общество неизбежно идет к разрыву уз дружбы и торговых отношений с соседями. Но эта изоляция не опасна для общества равных ни в экономическом, ни в военном отношении. Общество равных в состоянии заменить иноземные продукты собственными, полнее использовав свои внутренние возможности; может создать прочную оборону страны, укрепив ее естественные границы. Обществу равных нечего бояться военного нападения: рабы не в силах бороться со свободными⁶¹.

Пийо хотел изобразить жизнь общества равных в форме рассказа о некоем фантастическом народе, будто бы существовавшем на протяжении тысячелетий, «не зная ни бога, ни дьявола, ни рая, ни ада, ни короля, ни каст, ни богатых, ни бедных»⁶². Началом осуществления этого замысла была его брошюра «Histoire des Egaux», за которой должны были последовать «многие тома». В этом труде Пийо предполагал во всей полноте развить принципы эгалитарных законов, показать социальную структуру общества равных⁶³. Но этот труд Пийо остался незавершенным.

6

Пийо полагает, что условия, необходимые для установления строя общности, давно уже созрели. Как истинный ученик просветителей XVIII в., Пийо верит в то, что успехи, достигнутые человеческим разумом, неизбежно приведут к осуществлению справедливого порядка⁶⁴. Этот порядок, говорит он, мог бы быть введен 2 тысячи лет назад. Но умы человеческие двигались тогда по ложным путям. Потребовалось много времени и много впечатлений, чтобы вывести их на истинный путь. Вот почему истина была постигнута так поздно, вот почему она пока еще остается в состоянии теории⁶⁵.

Из этого рационалистического представления об историческом процессе Пийо делал иногда наивно-идеалистические выводы в отношении будущего. *Все люди без исключения*, говорит он, присоединили бы свой голос к нашему голосу, если бы только они могли понять, как прекрасна жизнь, которую мы им возвещаем! Нам нужно только провозгласить наши принципы, указать средства их применения в действительности и проповедовать их тотчас и неустанно⁶⁶. Не удивительно, что мы находим иногда у Пийо весьма наивные попытки доказать богатым и сильным, что в конечном итоге строй, основанный на равенстве, будет выгоден и для них не в меньшей степени, чем для бедных, что «в равенстве нет ничего пугающего для привилегированных»⁶⁷. И Пийо верит, что настанет день, когда земля ответит на этот призыв криком *любви, забвения и примирения*, когда короли и подданные, касты и простой народ, буржуа и пролетарии, богатые гордецы и нищие, судьи и преступники отбросят безумие прошлого, чтобы признать принципы святого равенства, продиктованные наукой⁶⁸.

Однако уроки классовой борьбы конца XVIII — начала XIX в. не прошли для Пийо бесследно. Наряду со слащавыми картинками всеобщего примирения и просветления мы находим у него также более трезвые, более реалистические представления о процессе общественного преобразования и о роли в нем различных общественных групп. Вера в возмож-

⁶¹ «Histoire des Egaux», p. 50—51, 56, 58—60.

⁶² Ibid., p. 35.

⁶³ Ibid., p. I; «Ni châteaux, ni chaumières», p. 58.

⁶⁴ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 54.

⁶⁵ «Histoire des Egaux», p. 23—24.

⁶⁶ Ibid., p. 23.

⁶⁷ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 49, 55.

⁶⁸ «La communauté», p. 27—28.

ность всеобщего единения во имя принципа равенства оттесняется в его сознании основывающимся на историческом опыте представлениями о неизбежной реакции эксплуататоров на всякую попытку отнять у них их доходы. Преступление и лицемерие, говорит Пийо, не позволят без сопротивления отменить нечестивые привилегии, которыми они пользовались столь долгое время⁶⁹.

Чтобы удержать строй, основанный на неравенстве, в распоряжении привилегированных есть только два средства. Они могут попытаться вернуть народ к тому состоянию, в котором он находился до 93 года, т. е. погрузить его вновь в мрак невежества. Этот путь невозможен. Второй способ спасти власть эксплуататоров — все время держать наготове второй, сохранять строй неравенства при помощи тюрьмы и эшафота. Этот второй путь может задержать крушение существующего строя, но лишь на очень краткий срок. Он неизбежно приведет эксплуататоров к пропасти, в которую они падут, покрытые кровью и бесчестьем. Вести подобную войну с народом — предел ослепления и жестокости⁷⁰.

Таким образом, переход к строю общности не обходится без борьбы. В этой борьбе эксплуататоры являются естественными защитниками существующего порядка. В качестве борца за порядок равенства столь же естественно выступает у Пийо «народ». Все формы правления, не исключая абсолютной монархии, имеют своим источником народ: народ — истинный суверен⁷¹. Народ вправе переменить все в своих законах, правах и верованиях. Народ вправе судить тех, кто считает себя его господами и судьями. Это его вечное и незыблемое право⁷². Народ бесспорно вправе изменять свою социальную организацию, как только он найдет это необходимым и полезным⁷³.

Это рассуждение о правах народа приводит Пийо к интересной оценке задач исторической науки. Народ убеждают в том, будто бы судьбы человечества совершаются без его участия. Историки в своих трудах дают обычно длинные списки счастливых разбойников, порабовавших народ, рассказывают об их интригах и преступлениях. О народе в истории нет и речи. Вы не узнаете из исторических трудов ни о происхождении того или иного народа, ни о причинах его благосостояния или упадка, ни о его обычаях и законах. Правильность оценки исторических фактов зависит от интереса к ним и от той общей цели, которую ставит перед собой автор. Истинная задача историков состоит, по мнению Пийо, в том, чтобы рассказами о борьбе народа за свободу научить народ завоевывать эту свободу и побеждать нечестивую расу тиранов⁷⁴.

Только народ в состоянии обеспечить лучшее будущее человечества. Задача тех, кто хочет бороться за это будущее, состоит в том, чтобы внушить народу идею общности, объединить его под этим знаменем. Говоря о суверенитете народа, Пийо, очевидно, имеет в виду всю совокупность граждан. Но, призывая к объединению народа под знаменем равенства, он, по-видимому, незаметно переходит к другому пониманию этого термина, исключаяющему из народа эксплуататоров и привилегированных. Народ, говорит он, не должен сомневаться в своей силе. «Паразиты трусливы и малочисленны, вас в 200 раз больше, чем их»⁷⁵. В другом месте Пийо еще более определенно говорит о «классе, являющемся жертвой привилегий», как о подлинной опоре принципа общности⁷⁶.

Как мы видим, представления Пийо о путях перехода к строю общности весьма сбивчивы. Наиболее устойчивым и практически наиболее зна-

⁶⁹ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 35.

⁷⁰ Ibid., p. 51—52.

⁷¹ Ibid., p. 25.

⁷² «La communauté», p. 4.

⁷³ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 25.

⁷⁴ «Histoire des Egaux», p. 40—43.

⁷⁵ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 24.

⁷⁶ «Histoire des Egaux», p. 17.

чимым следует признать представление о революционном преобразовании, основную действующую силу которого составляют угнетенные и эксплуатируемые. Уже в «La Tribune du Peuple» Пийо, восхваляя революцию XVIII в., заявлял, что революция не умерла, что она продолжает бороться и что она неизбежно победит⁷⁷. В брошюре «Ni châteaux, ni chaumières» Пийо повторяет свое указание на неизбежность революции, подчеркивая на этот раз отличия грядущей революции от революции прошлого. Ее цель — разрешение проблемы социального строя; в соответствии с этим она пойдет иным путем, она будет выдвигать иные принципы, прибегать к иным средствам. Она объявит войну насмерть всем кастам и всем кoterиям, которые пришли им на смену⁷⁸. Пийо понимает, что народ решается на революцию лишь тогда, когда его страдания доведены до крайних пределов. Но у народа сейчас нет, по мнению Пийо, иного выхода. Великий акт преобразования не допускает полумер⁷⁹. Наконец в «Histoire des Egaux», рассказывая историю своего утопического народа «равных», Пийо изображает победу строя равенства как победу великой кровавой революции, как результат длинного ряда кровавых бурь. Сколько пота и крови пролил народ, восклицает он, прежде чем ему удалось прийти к организации, давшей удовлетворение потребностям всех⁸⁰.

Как мы видели, необходимой предпосылкой революции являются, по мнению Пийо, страдания народных масс. Но для ее успеха необходимы настойчивая пропаганда истины и организованность ее сторонников. Молчание просвещенных людей недопустимо: оно может задержать реализацию истины⁸¹. Борцы за истину должны объединить свои усилия. Их проповедь неизбежно найдет самый широкий отзвук, особенно во Франции, где головы организованы для восприятия, а сердца — для любви ко всему великому и благородному. Из 35 млн. жителей Франции 30 млн., утверждает Пийо, откликнутся на этот призыв⁸². Под их знамена встанут все честные люди, все, чье сердце не испорчено неравенством, чей разум не совращен невежеством и предрассудками⁸³.

В деле подготовки революции особое место Пийо отводит коммунистам. Малочисленные, изолированные коммунисты, говорит Пийо, осмелились напасть на общество многочисленное и испорченное. Коммунисты смеялись над его презрением и не боялись его ярости. К истинным коммунистам, просвещенным и мужественным, и обращается Пийо в первую очередь: «Я вам несу доводы,— говорит он,— при помощи которых вы победите, оружие для борьбы и советы, как воспользоваться победой. Общество еще долго может сопротивляться вашим изолированным усилиям, вашей неопытности в борьбе. Для успеха нашего дела недостаточно ненависти к тирании — необходимо единение всех коммунистов, необходима солидарность в их усилиях, согласованность в их пропаганде»⁸⁴.

Пийо сознает, однако, что среди людей, провозглашающих себя сторонниками равенства, есть лицемеры, мечтающие лишь о том, чтобы, прикрываясь этим лозунгом, пробраться самим к власти и богатству, чтобы удовлетворить свою жадность за счет старых обладателей власти. Таких людей он считает более опасными врагами, чем самих привилегированных. Этих тайных врагов, скрывающих свои преступные замыслы под яркими фанфаронадами, необходимо разоблачать, чтобы народ знал, откуда ему грозит опасность. Человечество постоянно и предательски обманывали те люди, которые овладевали его доверием. Пробным камнем общественного значения пропаганды коммунистов является та ненависть, которую они

⁷⁷ «La Tribune du Peuple», 1839, № 2.

⁷⁸ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 40—41, 48—49.

⁷⁹ Ibid., p. 42, 46.

⁸⁰ «Histoire des Egaux», p. 21, 35—37.

⁸¹ Ibid., p. 17—18, 24.

⁸² «Ni châteaux, ni chaumières», p. 34—35.

⁸³ «Histoire des Egaux», p. 18, 30.

⁸⁴ Ibid., p. 31—34.

вызывают у наших врагов. «Ничто не доказывает лучше, — говорит Пийо, — что мы действительно поняли равенство и средства его осуществления, чем ярость, которую испытывают при нашем приближении»⁸⁵.

Именно на коммунистов возложено историей дело преобразования человеческого общества. Народ должен понять, что все партии, если они не принимают принцип самого абсолютного равенства, соответствующего вечным законам природы, — это только котерии. От них народ ничего не должен ждать, кроме роста своей нищеты⁸⁶. Для коммунистов революция отнюдь не средство обеспечить свое собственное благополучие. Они совсем не похожи на прежних реформаторов. Они не мечтают ни о тронах, ни о богатствах. Коммунисты приносят человечеству исполнение тех обетованных, которые так часто ему давали, прикрывая ими честолюбие и жадность⁸⁷.

Пийо, как мы уже знаем, не скрывает, что возглавляемое коммунистами дело преобразования потребует небывало жестоких битв, но нет ничего прекраснее, заявляет он, чем их результаты⁸⁸. Конечно, многие не согласятся терпеть страдания во имя будущих благ. Как быть в этом случае, спрашивает Пийо и отвечает: а как поступают в Бисетре⁸⁹ с людьми, отказывающимися от холодного душа?⁹⁰

В коммунистах своего времени Пийо видит хранителей традиций Ба-бёфа, продолжателей его славного дела. Может быть, и мы погибнем, как они, восклицает Пийо: другие возьмут на себя нашу задачу!

Пийо сохранил верность революционным принципам до конца своих дней. Это подтверждается не только фактом его избрания на дополнительных выборах 16 апреля 1871 г. в Парижскую коммуну, но и всем его поведением в Коммуне. Известно, что вскоре после своего избрания он выступил с горячим призывом мобилизовать все силы на дело защиты Коммуны от ее врагов. С делом организации обороны было связано, очевидно, избрание Пийо в состав комиссии, которая должна была посетить гвардейские казармы. Он был инициатором разрушения Вандомской колонны⁹¹. 17 мая 1871 г. Пийо произнес речь, в которой доказывал необходимость действовать против врагов Коммуны революционными методами. «Мы переживаем революцию, — говорил он, — и мы должны действовать как революционеры, необходимо создать трибунал, который судил бы и приводил в исполнение свои приговоры без всякого промедления»⁹². Совершенно очевидно, что в данном случае Пийо вдохновляли революционные традиции якобинской диктатуры. В соответствии с теми же традициями Пийо выступал и голосовал за создание Комитета общественной безопасности⁹³. Но Пийо было, очевидно, ясно также своеобразие социального характера революционного движения 1871 г., его коренное отличие от предшествовавших революций. Очень часто, говорил Пийо в заседании 30 апреля 1871 г., декреты Коммуны остаются мертвой буквой. В обществе формируются группы, которые стремятся, идя под флагом республиканизма, погасить пламя Коммуны и заменить ее чем-то вроде республики 48 года⁹⁴.

Жан Жак Пийо, утопический коммунист 40-х годов, сумел занять достойное место среди борцов и мучеников Парижской коммуны.

⁸⁵ «Histoire des Egaux», p. 10—14.

⁸⁶ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 21.

⁸⁷ «Histoire des Egaux», p. 10, 33; «Ni châteaux, ni chaumières», p. 48.

⁸⁸ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 36.

⁸⁹ Имеется в виду известная больница для умалишенных.

⁹⁰ «Ni châteaux, ni chaumières», p. 60.

⁹¹ «Procès-verbaux de la Commune de 1871», ed. D. Bourgin et G. Henriot. Paris, 1924, t. I, p. 373, 409—410; t. II, p. 92.

⁹² Ibid., t. II, p. 385.

⁹³ Ibid., p. 21, 23.

⁹⁴ Ibid., p. 585.